

DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.5

УДК 332.1 | ББК 65.04

© Дружинин А.Г.

ОБ «ЭТНИЧЕСКОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ» ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ ДРУЖИНИН

Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Институт географии РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: alexdru9@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1642-6335; ResearcherID: E-5423-2018

Россия – многонациональная страна с устойчивым, разнотемповым для отдельных регионов и их муниципальных образований трендом на изменение этнической структуры населения, а также общим преобладанием моноэтнических территорий. Пространственное развитие Российской Федерации нуждается в сфокусированном учете этноструктурных, этнотерриториальных условий и факторов. В статье они рассмотрены и концептуализированы в качестве «этнической определенности» пространственного развития, понимаемой как многокомпонентная сопряженность территориально-хозяйственной и селитебной динамики с воспроизводством конкретных этносов (во взаимодействии с другими этносами) в ареалах их преимущественной локализации, так и со сложившейся этнотерриториальной структурой в целом. В работе делается акцент на том, что подобного рода «определенность» обусловлена следующими причинами: особенностями этнической географии (сочетанием моно- и полиэтнических ареалов); проецирующимися на экономику хозяйственно-культурными особенностями конкретных этносов, масштабом воспроизводства традиционных для этнических общностей направлений хозяйствования (этноэкономики); функционированием «национальных» субъектов федерации и «титульных» муниципальных образований в центрально-периферийной селитебной и территориально-хозяйственной архитектуре страны; асимметричным (разномасштабным и разнотемповым) пространственным развитием в «разрезе» ареалов преимущественной локализации (концентрации) того или иного этноса. На обширных данных муниципальной статистики (муниципальные районы и округа, городские округа, всего 2297 единиц) показано, что экономическая

Для цитирования: Дружинин А.Г. (2025). Об «этнической определенности» пространственного развития современной России // Проблемы развития территории. Т. 29. № 5. С. 71–86. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.5

For citation: Druzhinin A.G. (2025). On the “ethnic certainty” of the spatial development of modern Russia. *Problems of Territory's Development*, 29(5), 71–86. DOI: 10.15838/ptd.2025.5.139.5

активность смещена в муниципалитеты с русской моноэтничностью (1696 единиц, включая 485 городских округов), что объясняется локализацией на этих территориях подавляющей части региональных столиц и их пригородов. Выявлена (на материалах Юга России) выраженная асимметрия в масштабах и уровне хозяйственной активности между поли- и моноэтническими территориями, а также моноэтническими ареалами (кластерами муниципалитетов с однородной этнической структурой населения) с различной «этнической окраской». Обосновано, что ни полиэтничность, ни моноэтничность напрямую не влияют на экономическую активность, в то время как последняя, концентрируясь в крупнейших городах и их агломерациях, благоприятствует нарастанию полиэтничности.

Пространственное развитие, расселение этносов, этническая структура, этнический фактор, территориальные экономические различия, Россия.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Введение

Россию принято идентифицировать в качестве государства *многонационального*. Эта основополагающая характеристика не только напрямую зафиксирована в действующей Конституции страны (Ст. 68, п. 1)¹, но и имеет четкое статистическое обоснование (Всероссийская перепись населения 2020 года охватывает данные по 197 отдельным этносам). Наглядным подтверждением укорененного в общественном дискурсе (Тишков, 2013) понимания полиэтничности государства выступает сетка политико-территориального деления, в основных чертах оформившаяся еще в первой половине XX столетия, когда «национальный фактор» рассматривался как предельно значимый при экономическом районировании, к которому, в свою очередь, «привязывалась» система управления (Книпович, 1921). Указание на особый («титультный») статус конкретного этноса

(этносов) имеет место в официальных названиях 25 современных регионов Российской Федерации, 10 из них отнесены ныне к числу «геостратегических территорий».

Тем не менее при более детализированном рассмотрении пространственных реалий многонациональная Россия предстает интегрированной мозаикой *поли- и моноэтнических территорий*, причем именно последние существенно преобладают по размерам, в демографическом и экономическом отношении. Из 85 российских регионов, охваченных Всероссийской переписью населения 2020 года², в 58 удельный вес русских превышает средний показатель по стране (80,8% от числа лиц, указавших национальную принадлежность), а в 15 доля русских варьирует в диапазоне от 50 до 80%. Менее половины она составляет лишь в 12 субъектах РФ, на которые приходится 21,3% территории страны, 12,2% ее демографического потенциала и 7,9% суммарного ВРП³.

¹ Конституция Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения 02.05.2025).

² Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения 02.05.2025).

³ Все данные в статье приводятся на 2021 год, когда фактически была проведена Всероссийская перепись населения, и, соответственно, не включают в себя данные по новым субъектам РФ. Источником всех статистических данных является Росстат, включая его территориальные подразделения.

Более дробный анализ (в разрезе городских округов, муниципальных районов и муниципальных округов, всего 2297 единиц) свидетельствует о приуроченности к ареалам Российской Федерации с русской моноэтничностью, диагностируемой при доле русских в населении 75% и выше (Дружинин, 2024а), 49% ее территории, где проживает 80,3% населения страны и 90,6% представителей русского этноса.

Русская моноэтничность, будучи в пространственном отношении асимметричной, размыта по периферии и отчасти в своих урбанистических ядрах дополняется множественными локализованными группировками муниципальных образований с численным превалированием иных этносов. В частности, в Иркутской области, где доля русских составляет 92,2%, из 42 муниципалитетов «второго уровня» в пяти численно преобладают буряты, причем имеет место и более дробная дифференциация. Например, в Ольхонском муниципальном районе (преимущественно «бурятском») из семи сельских поселений буряты численно превалируют в трех, русские – в трех и в одном имеет место этнодемографический паритет. Аналогичного рода усложненная этногеографическая мозаика характерна для подавляющей части так называемых «национальных» субъектов федерации.

Этническое (национальное) многообразие России имеет, таким образом, выраженную территориальную специфику, предопределяющую в конечном итоге устойчивую сопряженность развития этносов (в хозяйственном, социокультурном, демографическом аспектах) с проблематикой пространственного развития, понимаемого, согласно «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – СПР-2025), как «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития»⁴. Симптоматично, что в тексте самой СПР-2025, как показал семантический анализ, категории «этнос», «этнический», а также «народ» в качестве синонима «этноса» занимают практически периферийное место. В еще меньшей мере они применяются в действующей с конца декабря 2024 года «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» (далее – СПР-2036) (табл. 1).

Если в СПР-2025 упоминается «учет этнокультурного фактора при обеспечении социально-экономического развития РФ» (наряду с «сохранением национальной идентичности народов РФ», «обеспечением

Таблица 1. Число использований некоторых базовых категорий пространственного анализа в стратегиях пространственного развития Российской Федерации (СПР), принятых в 2019 и 2024 гг.

Категория	СПР-2025	СПР-2036
Регион (региональный)	77	98
Центр	68	26
Опорный (населенный пункт)	-	56
Агломерация	50	40
Пространственный	40	85
Муниципальный	25	20
Национальный (общегосударственный)	16	42
Этно- (этнический, этнокультурный)	2	1
Народ (народов)	5	1
Источник: составлено автором на основе семантического анализа СПР-2025 и СПР-2036.		

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 02.05.2025).

гарантий прав коренных малочисленных народов, включая поддержку их экономического, социального и культурного развития», «содействием сохранению, возрождению и развитию народных художественных промыслов» и «природопользованием коренных малочисленных народов»⁵, то в СПР-2036 внимание фокусируется лишь на «недопущении возникновения этнических анклавов», а также на «развитии народно-художественных промыслов» (последнее – применительно к Северо-Кавказскому федеральному округу)⁶.

Подобная показательная «внеэтничность» базового в сфере пространственного развития федерального нормативного документа отражает, полагаем, предельную сложность и самостоятельную значимость векового для России «национального вопроса», в последние годы все заметнее вновь выходящего на авансцену в связи с возросшей геополитической турбулентностью, международными миграциями, а также разнонаправленной этнодемографической динамикой. Она иллюстрирует сложившийся параллельно в системе управления и профильном научном сообществе дефицит понимания места и роли «этнической составляющей» в структурах и процессах, исследуемых в настоящее время «на стыке» пространственной экономики и социально-экономической географии. Впрочем, еще в 1941 году было подмечено, что «рассмотрение хозяйства в национальных областях и республиках в наших курсах совершенно обезличено и не связано конкретно с населяющими их народами» (Кабо, 2016, с. 135). Тезис этот, полагаем, и поныне сохраняет свою актуальность.

В понимании взаимообусловленности «этнического» и «экономического» имеются, тем не менее, множественные содержательные заделы. Во-первых, это неизменно высвечиваемый этнический аспект (фак-

тор) экономики в работах таких ведущих экономистов, как Л. Вальтман, М. Вебер, Дж. С. Милль, Х. Шрайдер и Й. Шумпетер, что ранее детально показано в специальных обзорах (Печура, 2009; Попков, Тюгашев, 2018; Минат, 2022). Этот интеллектуальный тренд в настоящее время развивают эволюционно-генетический и институциональный подходы экономического анализа (Архипов и др., 2020; Аузан, Никишина, 2021).

Зеркальный в предметно-содержательном отношении аспект рассматриваемой проблематики (экономический компонент этнологии) связан с представлениями о «хозяйственно-культурных типах» (Левин, Чебоксаров, 1955), взаимообусловленностью этноса и экономики (Козлов, 1994), подходами в области так называемой «экономической этнологии» (Семенов, 1993).

В первые постсоветские годы на фоне радикальных структурных изменений в системе хозяйствования и эскалации регионализма с сопутствующей этнополитической активностью фактической результирующей синтеза двух вышеперечисленных подходов оказались представления об «этнической экономике», или «этно-экономике» – реальности сложно диагностируемой, разнопланово трактуемой и отождествляемой прежде всего именно с российскими «национальными» территориями (Овчинников, Колесников, 2006; Римашевская, Вершинская, 1999).

Немногом ранее проблематика «этнической экономики» (Ethnic Economy) была заявлена на Западе (Waldinger, 1986; Light, 2000), где в логике глобализации основной упор делался на учет проекции нарастающего во множестве локалитетов этнического многообразия на экономическое развитие (Easterly, Levine, 1997; Collier, 2001; Montalvo, Reynal-Querol, 2021), своего рода «экономике культурного разнообразия» (Bellini et al., 2013; Nijkamp et al., 2015). Данная тематика

⁵ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 02.05.2025).

⁶ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. URL: <http://government.ru/docs/all/157308> (дата обращения 02.05.2025).

вызвала интерес и в Российской Федерации, воплотившись в исследования экономических эффектов национальной неоднородности (Цапенко, 2016; Буфетова, Коломак, 2021), воздействия международных миграций на производительность труда (Несена, 2015), экономических «рисках моноэтничности» (Тарбастаева, 2018). На этом фоне симптоматично прорисовывалось восприятие (характерное и значимое) самой экономики как «разноцветной», национально «окрашенной» (Крюков, 2017). Проявились попытки сопряженного исследования этнической структуры территории, в том числе в муниципальном «разрезе», и параметров ее экономического развития (Дружинин, Потапенко, 2024).

Наработанный позитив многоаспектного осмысления взаимовлияния «этнического» и «экономического» ограничивается, тем не менее, недостаточным учетом собственно пространственных процессов и структур как в локализации этносов (этногеографии), так и в хозяйственной активности и расселении. Данная статья – это попытка сформировать концептуальную рамку для дальнейшей активизации исследовательских усилий в этой значимой сфере. Основной ее целевой ориентир состоит в разработке представления об особом феномене, обозначенном как «этническая определенность пространственного развития», о его детерминантах, специфике и форматах проявления. Предлагая данный терминологический конструкт, автор учитывал как уже оформившуюся практику применения категории «этническая определенность» в антропологии и этнологии в значении прежде всего этнической идентичности, отнесения к определенной этнической группе (Алексеев, 1989; Арутюнов, Рыжакова, 2004), так и необходимость (практическую и теоретическую) аналогичного рода идентификации и параметризации структур и процессов, изучаемых пространственной (региональной) экономикой, социально-экономической (общественной) географией, а также этногеографией на их принципиально значимом предметно-содержательном «стыке».

Локализация российских этносов: универсальное и специфическое

Базовым основанием «этнической определенности» пространственного развития выступает локализация этносов, подчиняющаяся единым структурным особенностям и закономерностям, но одновременно в каждом конкретном случае зависящая от уникального «набора» исторических, демографических, природно-хозяйственных и социокультурных обстоятельств.

В логике дихотомий «концентрация – дисперсия», «центр – периферия» и «ядро – граница» пространство локализации любого этноса объединяет:

- моноэтнический ареал расселения;
- основной ареал локализации, наряду с моноэтническим ареалом включающий селитебно и социально-экономически значимые для этноса полиэтнические территории, прежде всего урбанизированные;
- очаги локализации за пределами основного ареала;
- ареал преимущественной дисперсии;
- пространство дисперсии (Дружинин, 2024b).

Многонациональная страна, равно как тот или иной ее регион, являет при этом сложные разномасштабные взаимные наложения и пересечения «освоенных» этническими общностями пространств. Эффекты «этнической определенности» в этой ситуации возникают главным образом в связи с фактическим формированием мозаики моноэтнических ареалов (отличающихся условиями хозяйствования и в целом жизнедеятельности), дополняемой «стягиванием» представителей тех или иных этносов в ведущие урбанистические центры и организуемые ими городские агломерации.

Ареалы с выраженной моноэтничностью множественны и разноразмерны. В российской ситуации они не сводимы к «национальным» субъектам федерации, тем более к тем республикам и автономным округам, в населении которых превалирует русский этнический компонент (в Республике Карелии, например, доля собственно карел – 4,9%, причем лишь в Олонецком му-

ниципальном районе она немного превышает 40%; во всех остальных – существенно ниже). Но даже в регионах, где русские численно уступают «титульной» нации, не вся территория может быть идентифицирована как «моноэтническая». Так, в Кабардино-Балкарской Республике в двух из 13 муниципальных образований (Майский и Прохладненский муниципальные районы) более половины населения составляют русские. Схожая ситуация наблюдается в Моздокском районе Северной Осетии. В Карачаево-Черкесской Республике «русскими» по преобладающей национальности являются Урупский и Зеленчукский муниципальные районы (доля русских – 73,7 и 56,3% соответственно). В структуре этой республики представлены и два мононациональных и «титульных», но иноэтнических по отношению как к карачаевцам, так и черкесам, муниципальных районов: Абазинский (88,5% населения – абазинцы) и Ногайский (ногайцы – 84,9%). Строго говоря, в пределах Российской Федерации лишь Республику Ингушетию и Чеченскую Республику уместно рассматривать (в муниципальном разрезе) как компактные моноэтнические ареалы.

Присущие некоторым наиболее крупным по численности этносам ареалы моноэтничности демонстрируют межрегиональный характер. Таковыми они являются не только для русских, но и для татар, численно преобладающих в 31 муниципальном образовании Татарстана и 4 – в Башкортостане. Преимущественно «бурятские» муниципалитеты характерны и для Республики Бурятия, и для Иркутской области. Некоторые этносы, лишенные «собственных» моноэтнических муниципалитетов (и их кластеров), также формируют ареалы (в том числе весьма обширные) своего приоритетного размещения. Таковы, в частности, армяне, распределенные в большой мере между Краснодарским и Ставропольским краями (22 и 15% всех армян страны), Ростовской областью (9%) и Москвой с Московской областью (15%).

Этносистемы «село – город» как компонент пространственного развития

Для значительной части российских этносов (башкиры, чеченцы, аварцы, даргинцы и др.) характерно преимущественное постоянное проживание в сельской местности и, соответственно, аграрная специфика присущих им моноэтнических территорий. Но в структуре современного расселения эти этносы неизбежно сопряжены с городскими центрами. А города, как еще в 1913 году подчеркивал В.И. Ленин в работе «Критические заметки по национальному вопросу», «отличаются наиболее пестрым национальным составом населения. Отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за «национального» момента нелепо и невозможно» (Ленин, 1973, с. 149). Единство городских поселений с прилегающими аграрными территориями, обозначенное нами ранее как *этносистема «село – город»* (Дружинин, 2024b), имеет для преобладающих в сельской местности этносов приоритетное социально-экономическое значение, «этническую определенность» обретает при этом весь соответствующий сельско-городской континуум. Наиболее наглядным примером здесь выступает Республика Дагестан (табл. 2), хотя аналогичного рода ситуация прослеживается в ряде других регионов России.

Компактные этносистемы «село – город» имеются у табасаран (Табасаранский и Хивский муниципальные районы + городской округ Дагестанские огни, в котором доля табасаран составляет 51,2%), кумыков (Махачкала и примыкающие к ней муниципальные районы), лакцев (Лакский и Новолакский районы + Махачкала), а также у весьма многочисленной на территории Республики Дагестан азербайджанской диаспоры (из 117 тыс. проживающих в Дагестане азербайджанцев 43 тыс. сконцентрированы в Дербенте и еще 50 тыс. – в Дербентском муниципальном районе).

«Этническая определенность» пространственного развития предопределяется, в итоге, особенностями этногеографии, кор-

Таблица 2. Крупнейшие «этнические кластеры» муниципальных районов и сопряженные с ними городские центры Республики Дагестан

Показатель	«Этнические кластеры» муниципальных районов		
	аварский	даргинский	лакский
Моноэтнические муниципальные районы (число представителей этноса, тыс. чел. / доля этноса, %)	Ахвахский (24 / 99,6), Ботлихский (58 / 99,0), Гергебильский (19 / 96,3), Гумбетовский (21 / 99,6), Гунибский (28 / 96,2), Казбековский (43 / 87,3), Кизилюртовский (63 / 84,9), Тляратинский (23 / 99,4), Унцукульский (31 / 99,3), Хунзахский (30 / 95,6), Цумадинский (26 / 99,1), Цунтинский (21 / 98,6), Чародинский (14 / 98,0), Шамильский (30 / 98,6)	Акушинский (52 / 96,6), Дахадаевский (36 / 99,6), Кайтагский (30 / 91,2), Левашинский (62 / 78,2), Сергокалинский (26 / 99,0)	Ахтынский (31 / 98,5), Докузпаринский (14 / 94,6), Магараметкентский (53 / 95,3), Сулейма-Стальский (57 / 99,1)
Полиэтнические городские округа (число представителей этноса, тыс. чел. / доля этноса, %)	Махачкала (190 / 25,6), Буйнакс (25 / 39,1), Кизилюрт (36 / 73,4), Хасавюрт (73 / 47,9), Южно-Сухокумск (4 / 44,4)	Махачкала (115 / 15,5), Избербаш (37 / 66,1)	Дербент (44 / 36,4), Каспийск (37 / 31,3), Махачкала (103 / 13,9)
Общая численность представителей этноса в пределах этносистемы «село – город», тыс. чел.	759	358	339
Доля представителей этноса, локализованных в пределах этносистемы «село – город», к общей численности представителей этноса в Дагестане, %	79,3	339	81,5
Составлено по: данные Всероссийской переписи населения 2020 года.			

ректируется и задается политико-географическими обстоятельствами (соответствующими муниципальными образованиями, субъектами федерации, их «тительностью»), форматируется структурой расселения. В не меньшей мере присуща «этническая определенность» и экономике, также являющей масштабные различия «от места к месту», в том числе в «разрезе» ареалов приоритетной локализации тех или иных этносов.

Этнически «окрашенная» экономика: пространственные детерминанты и особенности

Экономическое развитие неизменно приурочено к определенным структурам пространства. Как справедливо подчеркивал П.А. Минакир, «при принятии любого решения в экономике... приходится отвечать на вопрос не только «что» и «сколько»,

но и на вопрос «где» (Минакир, 2005). Латентно, разумеется, существует и столь же существенный вопрос «кто», имеющий, как и «где», свои вполне различимые национальные (этнические) параметры и характеристики.

Территории с определенной этнической (этноконфессиональной) структурой могут, в частности, «притягивать» те или иные виды хозяйственной активности, обретая свойства, совокупность которых уместно очертить категорией *этноэкономический ареал*.

Показательно, в частности, что 38% имеющегося в современной России поголовья овец размещено в регионах с численным превалированием представителей этносов, традиционно приверженных исламу, а еще 29% локализовано на сопредельных терри-

ториях (Ставропольский край, Ростовская область, Республика Калмыкия и др.), где в овцеводстве также существенна роль соответствующих этнических общностей, что порождает специфику этнической структуры муниципалитетов со специализацией на пастбищном животноводстве (в Ремонтненском муниципальном районе Ростовской области 16% населения составляют даргинцы и 7,3% – чеченцы; в Левокумском муниципальном округе Ставропольского края 29% населения – даргинцы; в Ики-Бурульском районе Калмыкии – 18% и т. д.).

Более 90% всего поголовья оленей в России находится именно в Арктической зоне⁷, составляя эксклюзивную в общефедеральном масштабе сферу экономической активности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также части проживающих в соответствующих природно-хозяйственных условиях якутов. Природный фактор, в итоге, воплощается в хозяйственно-культурной традиции, а его экономическое использование оказывается сопряженным с этнодемографическими особенностями территории.

В этом же контексте уместно вести речь не только об этнических традициях и предпочтениях в хозяйственной сфере, но и о тех или иных «нишах» (подчас условных, ситуационно-конъюнктурных), занимаемых конкретным этносом в экономике (определенные ремесла, торговля, общественное питание, строительство и т. п.). Значительная часть подобных «ниш» может быть реализована исключительно в межэтническом взаимодействии, что инициирует нарастание полиэтничности (в крупнейших городах и их пригородах, в местах крупного индустриального и инфраструктурного строительства, очагах освоения ресурсного потенциала севера и востока страны), поддерживаемое не только безвозвратными миграциями, но и инвариантами «отходничества». Складывающиеся в результате элементы этнической анклавности – прямое порождение социально-территориальных контрастов – предопределяют, в свою оче-

редь, «вторичное», уже напрямую связанное с обществом, его территориальной организацией, обособление новых этноэкономических ареалов.

Иная сторона «этнически окрашенной» экономики – приуроченность не только отдельных производств и отраслей, но и в целом хозяйственной активности к тем или иным территориям, характеризующимся численным превалированием конкретного этноса.

В Российской Федерации, в частности, исторически, равно как и в силу природных обстоятельств, вся система хозяйствования, а соответственно, и расселение ощутимо «смещены» в территории с русской моноэтничностью. В общероссийском масштабе плотность населения в муниципальных образованиях с долей русских 75% и более в 2,9 раза превышает аналогичный показатель по муниципалитетам, в которых доля русских менее 25%. Аналогичное соотношение наблюдается по душевым значениям налогооблагаемых денежных доходов физических лиц и индивидуальных предпринимателей, показатель которого, позволяющий наиболее полно идентифицировать локализованную экономическую активность, составляет 2,5 раза, а их «плотности» (на единицу территории) – 7,3 раза, что высвечивает как «освоенческие» векторы пространственного развития, так и его центр-периферийные градиенты.

Наиболее четко пространственный аспект «этнической определенности» экономики иллюстрируют так называемые «перспективные центры экономического роста Российской Федерации» (на идентификацию и приоритизацию которых была нацелена СПР-2025). Как свидетельствует авторский анализ, из 101 упомянутого в тексте СПР-2025 «перспективного центра» в 78 доля русских в населении превышает 75%-й рубеж, лишь в трех (Грозный, Магас и Кызыл) имеет место моноэтничность иных этносов, в остальных 20, большинство из которых в масштабе страны не являются экономическими лидерами, структура населения характеризуется полиэтничностью (табл. 3).

⁷ Сельское хозяйство в России. 2023: статистический сборник / Росстат. С. 29. Москва. 104 с.

Таблица 3. Перспективные центры экономического роста Российской Федерации: группировка по этнической структуре

Основные группы	Общее число	В том числе		
		С «русской моноэтничностью» (доля русских 75% и выше)	Полиэтнические	Моноэтнические, с незначительным % русских в населении
Перспективные крупные центры экономического роста Российской Федерации, которые обеспечат вклад в экономический рост Российской Федерации более 1% ежегодно				
города, образующие крупные городские агломерации и крупнейшие городские агломерации	20	17	3	–
Перспективные центры экономического роста субъектов Российской Федерации, которые обеспечат вклад в экономический рост Российской Федерации от 0,2 до 1% ежегодно				
города и прилегающие к ним муниципальные образования с общей численностью населения более 500 тыс. человек	25	22	3	–
города с общей численностью населения менее 500 тыс. человек	25	23	2	–
Перспективные центры экономического роста субъектов Российской Федерации, которые обеспечат вклад в экономический рост Российской Федерации до 0,2%				
города, являющиеся административными центрами субъектов Российской Федерации и прилегающие к ним муниципальные образования с общей численностью населения менее 500 тыс. человек	31	16	12	3
Составлено по: данные Всероссийской переписи населения 2020 года и СПР-2025.				

Составлено по: данные Всероссийской переписи населения 2020 года и СПР-2025.

Показательно также, что из 20 «перспективных центров экономического роста, в которых сложились условия для формирования научно-образовательных центров мирового уровня» лишь два (Казань и Уфа) имеют иную этническую структуру, чем «русская моноэтничность».

Сложившаяся «этническая определенность» в пространственном развитии в целом достаточно устойчива и обеспечивается не только обстоятельствами исторической колей, но и характерным для всего постсоветского периода (Стрелецкий, 2011; Манаков, 2019) процессом «стягивания» российских этносов на «свою» территорию, что консервирует и усиливает ее моноэтничность. Имеющие место некоторые пространственные перебалансировки связаны с реализацией крупных инвестиционных проектов, с геополитическими резонами и

в еще более очевидной мере с этнотерриториальными различиями в демографических трендах. Например, на долю Дагестана, в частности, в 1995 году приходилось 1,5% населения России и 0,3% ее ВРП, в то время как к настоящему времени эти показатели возросли до 2,2 и 0,65% соответственно⁸.

Фактор моно- и полиэтничности в территориально-хозяйственном развитии

Вопрос о степени и векторе воздействия особенностей этноструктуры, в первую очередь феномена полиэтничности, на пространственное развитие уже многократно озвучен в российском дискурсе (Цапенко, 2016; Буфетова, Коломак, 2021; Минат, 2022) и, полагаем, не имеет однозначного ответа.

Осмысливая сопряженность дихотомии «моно- / полиэтничность» с экономическим развитием территорий, важно различать прежде всего полиэтничность городов

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: статистический сборник / Росстат. Москва. 1081 с.

(и прилегающих территорий), а также полиэтничность внегородских пространств. Учет ситуации в последних не позволяет, кстати, уверенно говорить о наличии некоего позитивного экономического «эффекта полиэтничности». Так, в Ростовской области полиэтничный Мартыновский район почти в 1,5 раза уступает по душевым налогооблагаемым доходам соседнему с ним моноэтническому (86,4% русских) Семикаракорскому району. В Астраханской области у полиэтничного Харабалинского района данный показатель аналогичен показателю моноэтнического (русского) Черноярского района, а резкое экономическое лидерство на их фоне Красноярского муниципального района (52,2% населения – казахи) предопределено локализованной активностью ООО «Газпром добыча Астрахань».

Города, особенно крупные, выступающие в том числе региональными центрами, притягивая иноэтническую миграцию, не всегда «более полиэтничны», чем приле-

гающая сельская местность, но неизменно лидируют при этом по параметрам хозяйственной активности. Как свидетельствует муниципальная аналитика по Югу России (Южный и Северо-Кавказский федеральные округа), именно фактор крупных городов и их сохраняющегося индустриального функционала предопределяет повышенные душевые доходы на территориях с русской моноэтничностью, особенно там, где доля русских варьирует в диапазоне от 75 до 95%, то есть несколько «размыта» пролонгированной иноэтнической миграцией (табл. 4).

В северокавказских республиках, кроме Ингушетии и Чечни, ведущие города выступают, кроме того, центрами двух и более этносистем «село – город» (кабардинской, балкарской и русской в Нальчике и др.), что само по себе предопределяет полиэтничность. Разумеется, имеют место и выраженные различия между полиэтничными урбанистическими центрами и фактически

Таблица 4. Распределение параметров территориального, демографического и экономического потенциала Юга России по моно- и полиэтничным муниципальным образованиям, 2021 год, %

Территория (группировка муниципальных образований) Юга	Доля муниципальных образований, %			
	в площади территории	в численности населения	налогооблагаемых денежных доходов физических лиц	в социальных и других выплатах
Моноэтнические «русские» (доля русских в населении 75% и более), в том числе	52,4	63,9	80,2	66,4
территории с 95%-й и более долей русских в населении	14,2	15,9	15,8	17,5
иные моноэтнические «русские» территории (с весомыми иноэтническими «вкраплениями»)	38,2	48,0	64,4	48,9
Иноэтнические с долей численно преобладающего этноса в 75% и более), в том числе	9,5	13,9	5,6	13,5
чеченские	2,6	5,7	2,8	6,7
аварские	1,3	0,9	0,3	1,3
даргинские	0,5	0,9	0,3	0,8
ингушские	0,4	2,0	0,4	1,9
кабардинские	0,8	1,2	0,5	1,0
осетинские	0,9	0,7	0,2	0,8
карачаевские	1,0	0,4	0,1	0,3
Полиэтнические	38,1	22,2	14,1	20,1
Составлено по: данные Всероссийской переписи населения 2021 года, Росстата и Федеральной налоговой службы.				

увязанными с ними в единое целое кластерами моноэтнических муниципальных образований. Но в любом случае именно концентрация экономики и населения в ведущих городах и их агломерациях продуцирует элементы полиэтничности, а не наоборот.

Заключение

Присущая Российской Федерации множественность населяющих ее этносов с соответствующими ареалами их локализации, разноразмерными, сочетающими концентрацию с дисперсией, подчас взаимно наслаивающимися, порождает не только повсеместные проявления дихотомии «моноэтничность – полиэтничность», но и характерную для обширных территорий «этническую определенность» в социально-экономическом развитии. Последнюю целесообразно понимать как многокомпонентную сопряженность территориально-хозяйственной и селитебной динамики с воспроизводством конкретных этносов во взаимодействии с другими этносами в ареалах их преимущественной локализации, так и со сложившейся этнотерриториальной структурой в целом. Подобного рода «определенность» возникает в практически повсеместно имеющих место ситуациях, когда пространственное развитие «окрашено» структурными реалиями этногеографии, и наоборот, последняя создает территориальные и институциональные рамки, делимитирующие и отчасти детерминирующие экономическую активность и расселение.

Учет «этнической определенности» крайне важен в современной России для совершенствования государственного регулирования пространственного развития, в частности для уточнения (и расширения) перечня так называемых «опорных населенных пунктов» с соответствующими «прилегающими территориями». Фактическая мозаика поли- и моноэтнических территорий в их сопряженности и динамике должна обязательно образом учитываться также в качестве одного из факторов и аспектов при полимасштабном социально-экономическом районировании страны, по-прежнему со-

храняющем свою актуальность (Кузнецова, 2019). Само пространственное развитие призвано способствовать не нарастанию полиэтничности в немногих центрах, не сегрегации и сепарации периферийных, подверженных «моноэтнизации» территорий, а в условиях многонациональной и сложнейшим образом территориально структурированной страны содействовать обеспечению её экономического и селитебного единства на основе интеграции (производственной, инфраструктурной и др.) совокупности фактически сложившихся моно- и полиэтнических ареалов. Устойчивость российского государства в долгосрочной перспективе связана также с сохранением выраженной «русской определенности» в территориально-хозяйственной и селитебной структуре страны, с социально-экономическим развитием ареалов русской моноэтничности, многие из которых, к сожалению, справедливо характеризуются географами-обществоведами как «внутренняя периферия» (Каганский, 2012).

Решая задачи территориального социально-экономического «выравнивания» и обязательным образом учитывая в связи с этим этнодемографические особенности «от места к месту», важно одновременно не допускать любого рода государственных преференций именно по «этническому признаку». Более столетия назад В.И. Ленин отметил: «Проблема охраны прав национального меньшинства разрешима только... в последовательно-демократическом, не отступающем от принципа равноправия, государстве» (Ленин, 1973, с. 143). Необходимое, ранее четко артикулируемое, в том числе на высшем государственном уровне, «национальное равноправие во всех его видах» (Сталин, 1946), должно достигаться, как видится, не игнорированием и замалчиванием «этнического фактора» (в том числе в такой сложной и всеобъемлющей сфере, как пространственное развитие), а сфокусированным, сопряженным учетом как этнической структуры той или иной территории, так и трендов и потенциала ее экономического и селитебного развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П. (1989). Историческая антропология и этногенез. Москва: Наука. 449 с.
- Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. (2004). Культурная антропология. Москва: Весь Мир. 213 с.
- Архипов А.Ю., Мартишин Е.М., Зотова Т.А. (2020). Эволюционно-генетические механизмы экономического роста и развития // *Journal of Institutional Studies*. Т. 12. № 2. С. 100–118. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.100-118
- Аузан А.А., Никишина Е.Н. (2021). Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру. Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова. 200 с.
- Буфетова А.Н., Коломак Е.А. (2021). Национальная неоднородность в регионах России: оценка, изменение, влияние на экономическое развитие // *Вопросы экономики*. № 1. С. 120–142. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-120-142
- Дружинин А.Г. (2024а). Полиэтничен ли современный Юг России? // *Региональные исследования*. № 2. С. 28–39. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-2-3
- Дружинин А.Г. (2024б). Этногеографические дихотомии Юга России: полимасштабный анализ // *Псковский регионологический журнал*. Т. 20. № 4. С. 31–45. DOI: 10.37490/S221979310032048-5
- Дружинин А.Г., Потапенко В.В. (2024). Сопряженность особенностей этнической структуры муниципальных образований Юга России и параметров их экономической динамики // *Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН*. № 3. С. 53–71. DOI: 10.47711/2076-3182-2024-3-53-71
- Кабо Р.М. (2016). Элементы географического изучения населения в СССР // *Региональные исследования*. № 2. С. 132–140.
- Каганский В.Л. (2012). Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. № 6. С. 23–34.
- Книпович Б.Н. (1921). К методологии районирования / РСФСР, Народный комиссариат земледелия. Москва: Гос. изд-во. 48 с.
- Козлов В.И. (1994). Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН. 230 с.
- Крюков В.А. (2017). «Разноцветная» экономика // *ЭКО*. № 10. С. 2–4.
- Кузнецова О.В. (2019). Альтернативные подходы к определению роли макрорегионов России в системе государственного управления // *Федерализм*. № 4. С. 112–125. DOI: 10.21686/2073-1051-2019-4-112-125
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. (1955). Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // *Советская этнография*. № 4. С. 3–17.
- Ленин В.И. (1973). Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 24. Москва: Изд-во политической литературы. С. 113–150.
- Манаков А.Г. (2019). Оценка изменения этнической мозаичности регионов Европейской России в периоды между переписями 1897, 1959 и 2010 годов // *Известия РАН. Серия географическая*. № 2. С. 117–128. DOI: 10.31857/S2587-556620192117-128
- Минакир П.А. (2005). Экономика и пространство (тезисы размышлений) // *Пространственная экономика*. № 1. С. 4–26.
- Минат В.Н. (2022). Влияние этнокультурного разнообразия на экономический рост и пространственное развитие трансграничных территорий США // *Вестник Челябинского государственного университета*. № 12 (470). Экономические науки. Вып. 79. С. 55–67. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11207

- Несена М.В. (2015). Влияние культурного разнообразия регионов России на экономические показатели // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 72–85.
- Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. (2006). Этноэкономика как фактор развития // *Проблемы прогнозирования*. № 1. С. 118–123.
- Печура О.В. (2009). Этнический фактор в развитии экономики региона // *Известия Уральского государственного экономического университета*. № 2 (24). С. 138–143.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. (2018). Этнокультура и экономика: синергия возможностей // *ЭКО*. № 5 (527). С. 8–27.
- Римашевская Н.М., Вершинская О.Н. (1999). Этноэкономика – новая «старая» наука // *Народонаселение*. № 3–4 (5–6). С. 6–15.
- Семенов Ю.И. (1993). *Экономическая этнология*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН. 710 с.
- Сталин И.В. (1946). *Марксизм и национальный вопрос* // *Сочинения*. Т. 2. Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы. С. 290–367.
- Стрелецкий В.Н. (2011). Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX – начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты // *Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география*. № 1. С. 51–72.
- Тарбастаева И.С. (2018). Тува превращается в моноэтнический регион: риски и перспективы // *ЭКО*. № 5 (527). С. 65–80.
- Тишков В.А. (2013). Российская полиэтничность в мировом контексте // *Вестник российской нации*. № 5. С. 12–29.
- Цапенко И. (2016). Экономические ресурсы этнокультурного разнообразия // *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 35–46.
- Bellini E. et al. (2013). *Cultural Diversity and Economic Performance: Evidence from European Regions*. Springer Berlin Heidelberg.
- Collier P. (2001). Implication of ethnic diversity. *Economic Policy*, 32, 129–166.
- Easterly W., Levine R. (1997). Africa's growth tragedy: Policies and ethnic divisions. *Quarterly Journal of Economics*, 112, 1203–1250.
- Lian B., Oneal J.R. (1997). Cultural diversity and economic development: A cross-national study of 98 countries, 1960–1985. *Economic Development and Cultural Change*, 46(1), 61–77.
- Light I. (2000). The ethnic economy. *The Handbook of Economic Sociology*, 354, 650.
- Montalvo J.G., Reynal-Querol M. (2021). Ethnic diversity and growth: Revisiting the evidence. *Review of Economics and Statistics*, 103(3), 521–532.
- Nijkamp P., Poot J., Baken J. (Eds). (2015). *The Economics of Cultural Diversity*. Cheltenham: Elgar Publishing.
- Ottaviano G.I.P., Peri G. (2006). The economic value of cultural diversity: Evidence from US cities. *Journal of Economic Geography*, 6, 9–44.
- Waldinger R. (1986). Immigrant enterprise: A critique and reformulation. *Theory and Society*, 249–285.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Георгиевич Дружинин – доктор географических наук, профессор, директор, Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет (Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105); ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН (Российская Федерация, 119017, г. Москва, Старомонетный пер., д. 29), e-mail: alexdru9@mail.ru

Druzhinin A.G.

ON THE “ETHNIC CERTAINTY” OF THE SPATIAL DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA

Russia is a multi-ethnic country with a stable, multi-speed trend for individual regions and their municipalities to change the ethnic structure of the population, as well as the general predominance of mono-ethnic territories. The spatial development of the Russian Federation requires a focused consideration of ethnostructural and ethnoterritorial conditions and factors. In the article, they are considered and conceptualized as an “ethnic certainty” of spatial development, understood as a multicomponent conjugation of territorial, economic and residential dynamics with the reproduction of specific ethnic groups (in interaction with other ethnic groups) in the areas of their primary localization, and with the established ethno-territorial structure as a whole. The work focuses on the fact that this kind of “certainty” is due to the following reasons: specifics of ethnic geography (a combination of mono- and multiethnic areas); economic and cultural features of specific ethnic groups projected onto the economy, the scale of reproduction of traditional areas of management (ethnoeconomics) for ethnic communities; functioning of “national” subjects of the federation and “titular” municipalities in the central-peripheral residential and territorial-economic architecture of the country; asymmetric (multi-scale and multi-speed) spatial development in the “section” of the areas of predominance localization (concentration) of one or another ethnic group. Extensive municipal statistics (municipal districts and okrugs, urban okrugs, 2,297 units in total) show that economic activity is shifted to municipalities with Russian mono-ethnicity (1,696 units, including 485 urban okrugs), which is explained by the localization of the vast majority of regional capitals and their suburbs in these territories. A pronounced asymmetry in the scale and level of economic activity between poly- and monoethnic territories, as well as monoethnic areas (clusters of municipalities with a homogeneous ethnic structure of the population) with different “ethnic coloring” has been revealed (based on materials from the South of Russia). It is proved that neither poly-ethnicity nor mono-ethnicity directly affect economic activity, while the latter, being concentrated in the largest cities and their agglomerations, favors the growth of poly-ethnicity.

Spatial development, settlement of ethnic groups, ethnic structure, ethnic factor, territorial economic differences, Russia.

REFERENCES

- Alekseev V.P. (1989). *Istoricheskaya antropologiya i etnogenez* [Historical anthropology and ethnogenesis]. Moscow: Nauka.
- Arkhipov A.Yu., Martishin E.M., Zotova T.A. (2020). Evolutionary and genetic mechanisms of economic growth and development. *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 100–118. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.100-118 (in Russian).
- Arutyunov S.A., Ryzhakova S.I. (2004). *Kul'turnaya antropologiya* [Cultural anthropology]. Moscow: Ves' Mir.
- Auzan A.A., Nikishina E.N. (2021). *Sotsiokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyaet na ekonomiku, a ekonomika – na kul'turu* [Socio-cultural economics: How culture affects the economy, and how the economy affects culture]. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova.
- Bellini E. et al. (2013). *Cultural Diversity and Economic Performance: Evidence from European Regions*. Springer Berlin Heidelberg.
- Bufetova A.N., Kolomak E.A. (2021). National heterogeneity in the regions of Russia: Assessment, change, impact on economic development. *Voprosy ekonomiki*, 1, 120–142. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-120-142 (in Russian).

- Collier P. (2001). Implication of ethnic diversity. In: *Economic Policy*. No. 32. P. 129–166
- Druzhinin A.G. (2024a). Is the modern South of Russia polyethnic? *Regional'nye issledovaniya*, 2, 28–39. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-2-3 (in Russian).
- Druzhinin A.G. (2024b). Ethnogeographic dichotomies of the South of Russia: A multi-scale analysis. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, 20(4), 31–45. DOI: 10.37490/S221979310032048-5 (in Russian).
- Druzhinin A.G., Potapenko V.V. (2024). the relationship in the peculiarities of the ethnic structure of municipalities in the South of Russia and the parameters of their economic development. *Nauchnye trudy Instituta narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN*, 3, 53–71. DOI: 10.47711/2076-3182-2024-3-53-71 (in Russian).
- Easterly W., Levine R. (1997). Africa's growth tragedy: Policies and ethnic divisions. *Quarterly Journal of Economics*, 112, 1203–1250.
- Kabo R.M. (2016). Elements of geographical study of the population in the USSR. *Regional'nye issledovaniya*, 2, 132–140 (in Russian).
- Kaganskii V.L. (2012). The Inner periphery – a new growing zone of the cultural landscape of Russia. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, 6, 23–34 (in Russian).
- Knipovich B.N. (1921). *K metodologii raionirovaniya* [Towards the methodology of zoning]. Moscow: Gos. izd-vo.
- Kozlov V.I. (1994). *Etnicheskaya ekologiya: stanovlenie distsipliny i istoriya problem* [Ethnic ecology: The formation of a discipline and the history of problems]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN.
- Kryukov V.A. (2017). The “multicolored” economy. *EKO*, 10, 2–4 (in Russian).
- Kuznetsova O.V. (2019). Alternative approaches to defining the role of Russia's macro-regions in the public administration system. *Federalizm*, 4, 112–125. DOI: 10.21686/2073-1051-2019-4-112-125 (in Russian).
- Lenin V.I. (1973). Critical notes on the national question. In: Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. Izdanie pyatoe. T. 24* [Lenin V.I. Complete Works. Fifth edition. Vol. 24]. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury (in Russian).
- Levin M. G., Cheboksarov N. N. (1955). Economic and cultural types and historical and ethnographic areas (towards the formulation of the problem). *Sovetskaya etnografiya*, 4, 3–17 (in Russian).
- Lian B., O Neal J.R. (1997). Cultural diversity and economic development: A cross-national study of 98 countries, 1960–1985. *Economic Development and Cultural Change*, 46(1), 61–77.
- Light I. (2000). The ethnic economy. *The Handbook of Economic Sociology*, 354, 650.
- Manakov A.G. (2019). Assessment of changes in the ethnic mosaic of the regions of European Russia in the periods between the censuses of 1897, 1959 and 2010. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, 2, 117–128. DOI: 10.31857/S2587-556620192117-128 (in Russian).
- Minakir P.A. (2005). Economics and space (abstracts of reflections). *Prostranstvennaya ekonomika*, 1, 4–26 (in Russian).
- Minat V.N. (2022). The influence of ethnocultural diversity on economic growth and spatial development of the trans-border territories of the USA. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 12(470). *Ekonomicheskie nauki*, 79, 55–67. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11207 (in Russian).
- Montalvo J.G., Reynal-Querol M. (2021). Ethnic diversity and growth: Revisiting the evidence. *Review of Economics and Statistics*, 103(3), 521–532.
- Nesena M.V. (2015). The influence of cultural diversity of Russian regions on economic indicators. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, 72–85 (in Russian).
- Nijkamp P., Poot J., Baken J. (Eds). (2015). *The Economics of Cultural Diversity*. Cheltenham: Elgar Publishing.
- Ottaviano G.I.P., Peri G. (2006). The economic value of cultural diversity: Evidence from US cities. *Journal of Economic Geography*, 6, 9–44.

- Ovchinnikov V.N., Kolesnikov Yu.S. (2006). Ethnoeconomics as a factor of development. *Problemy prognozirovaniya*, 1, 118–123 (in Russian).
- Pechura O.V. (2009). The ethnic factor in the development of the region's economy. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2(24), 138–143 (in Russian).
- Popkov Yu.V., Tyugashev E.A. (2018). Ethnoculture and economics: Synergy of opportunities. *EKO*, 5(527), 8–27 (in Russian).
- Rimashevskaya N.M., Vershinskaya O.N. (1999). Ethnoeconomics – a new “old” science. *Narodonaselenie*, 3-4(5-6), 6–15 (in Russian).
- Semenov Yu.I. (1993). *Ekonomicheskaya etnologiya* [Economic ethnology]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN.
- Stalin J.V. (1946). Marxism and the national question. In: *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2]. Moscow: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury (in Russian).
- Streletskii V.N. (2011). Shifts in ethnic settlement in Russia in the late 20th – early 21st century and some of their cultural and geographical aspects. *Yuzhno-Rossiiskii forum: ekonomika, sotsiologiya, politologiya, sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya*, 1, 51–72 (in Russian).
- Tarbastaeva I.S. (2018). Tuva is turning into a mono-ethnic region: risks and prospects. *EKO*, 5(527) 65–80 (in Russian).
- Tishkov V.A. (2013). Russian polyethnicity in the global context. *Vestnik rossiiskoi natsii*, 5, 12–29 (in Russian).
- Tsapenko I. (2016). Economic resources of ethnocultural diversity. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 11, 35–46 (in Russian).
- Waldinger R. (1986). Immigrant enterprise: A critique and reformulation. *Theory and Society*, 249–285.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr G. Druzhinin – Doctor of Sciences (Geography), Professor, director, North Caucasus Research Institute for Economic and Social Problems, Southern Federal University (105, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation); Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (29, Staromonetny Lane, Moscow, 119017, Russian Federation), e-mail: alexdru9@mail.ru